

УДК 394

Очерк истории общественного быта 1990-2015: взгляд историка повседневности¹

Пушкарева Наталья Львовна

Доктор исторических наук, профессор,
заведующая отделом гендерных исследований,
Институт этнологии и антропологии РАН,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинский просп., 32а;
e-mail: pushkarev@mail.ru

Аннотация

В статье представлен краткий очерк истории изменений в укладе жизни россиян после развала социалистической системы, описаны особенности общественного быта, освоения духовных благ и культуры, перемены в системе общения и развлечений людей постсоветского времени. Историк повседневности оценивает весь комплекс паттернов внепроизводственной сферы жизни россиян за последнюю четверть века, изменения в общественных отношениях, уровне культурных запросов.

Для цитирования в научных исследованиях

Пушкарева Н.Л. Очерк истории общественного быта 1990-2015: взгляд историка повседневности // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2015. № 4-5. С. 23-39.

Ключевые слова

Быт, повседневность, постсоветский уклад жизни, качество жизни, образ жизни.

1 Данная статья является препринтом публикации одноименного раздела в коллективной монографии «Русские», которая выйдет в серии «Расы и народы», издаваемой Ордена Дружбы народов Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН в издательстве «Наука». Подготовлено в рамках Программы Фундаментальных исследований РАН «Историческая память и российская идентичность».

Постсоциалистический быт 1990-х создавался на фоне социального расслоения и коммерциализации повседневности. Эти процессы шли в контексте изменения социальной политики, ведь государство отказалось от многих функций, которые оно выполняло в советское время [Шнейдер, 2007].

Социальное расслоение и коммерциализация повседневного городского быта породили новые социальные типы и идентичности (например, спонсируемой женщины или спутника жизни, браки и отношения разновозрастных партнеров, один из которых может взять на себя полное финансовое обеспечение избранника/избранницы и детей) [Здравомыслова, 2001]. Открывшиеся возможности оплачивать домашний наемный труд – труд по уборке квартир и иных помещений (в том числе загородных домов, дач), мытья окон, технического обслуживания автомобиля, занятий с детьми (разнообразие и многочисленность кружков и секций, ориентированных на новые запросы родителей, возможность найма нянь и гувернанток в обеспеченные семьи), рост доступности оплаты такого труда для большинства жителей крупных городов, даже бюджетников, – резко и решительно переменили образ жизни и досуга в последние двадцать лет, причем не только в столицах, но и в провинции [Караханова, 2006; Новый быт..., 2009].

Общественная жизнь перестала рисоваться как совокупность больших и малых коллективов и групп. Ныне она представляется как публично высказанная позиция отдельных людей и их семей. Тенденция к индивидуализации – одна из самых заметных постсоциалистических трансформаций. Ушли в прошлое партийные, профсоюзные, комсомольские и иные собрания, в значительной мере наполнявшие повседневность всех советских людей. Свое общественное лицо современные русские могут явить, участвуя в экологическом, женском движениях, в группах защиты культурного наследия, религиозных, молодежных формированиях, как созданных формально, сверху (властями, подобно тому, как когда-то был создан ВЛКСМ, в 1990-е годы возникло движение «Наши») [Здравомыслова, 1998, 545], так и снизу, что особенно характерно для музыкальных фанатов и хипстеров (интересующихся западной музыкой и западной культурой), сторонников движения КСП (Клуб самодетельной песни) и иных *неформалов*. Бывших популярными в 1980-е годы

русских хиппи и панков («систему» с ее внешними опознавательными маркерами – фенечками из бисера и ниток, рваными джинсами и т.п.) [Карпухин, 2000] сменили панки (с прической «ирокез» на голове), металлисты, готы, ролевики, а среди читающей части неформалов – толкинисты, шерлокоманы, поттероманы. Вплоть до начала 1990-х им активно противостояли в столице люберы или любера (движение подростков-качков, возникло в подмосковном городе Люберцы), ныне сошедшее на нет [Левикова, 2004; Магун, Энговатов, 2006].

Все эти социальные явления в большей мере характеризовали городской общественный быт на переломе тысячелетий. Сосуществуя с некоторыми провластными общественными движениями («Наши», «Селигер») и НКО, они определяли общественное лицо совокупной русской гражданственности и того нарождающегося гражданского общества, которое могло заявить о себе в 2010-е годы движениями *несогласных* (организованных в «Марши несогласных» 2005-2008 гг., митинги на Болотной площади в Москве 2011 года, движение Левого фронта, Фонда поддержки демократических инициатив, движением против коррупции РосПил во главе с А.А. Навальным).

Индивидуализация в последнюю четверть века идет рука об руку с интимизацией жизни. Интимная жизнь стала важным культурным кодом современных русских в постсоветском обществе, и речь не только о либерализации дискурса сексуальности в 1990-е годы (которую сменили новые запреты обсуждения истории и практик сексуальной культуры после 2000 года) [Здравомыслова, Тёмкина, 2007, 213]. Так или иначе, но последнее двадцатилетие отмечено быстрой сменой стратегий репродуктивного и сексуального поведения мужчин и женщин [Рождественская, 2010], свободным обращением известных на Западе (в Европе и США) средств контрацепции и медленной переориентацией, особенно у обеспеченной верхушки общества, на многодетность (в том числе и воспитание приемных детей). Для современных русских женщин характерно активное, независимое социальное поведение, но государство в последние десятилетия поддерживает не столько равноправное семейное партнерство, сколько воспроизводство гендерных границ, отчуждение отцов от приватной сферы, что в целом характеризует рост этакрати-

ческого (государственно-ориентированного) традиционализма в приватной сфере.

Общественный быт все чаще рассматривается как быт семейный: в этих трансформациях заинтересовано государство, готовое его экономически поддерживать (например, с помощью материнского капитала). В мегаполисах и крупных городах чертой повседневности стало совместное времяпровождение выходных в крупных торгово-развлекательных комплексах и центрах (подобных МЕГА в Москве), где совершаются покупки, дети могут играть в игровой комнате или развлекаться на катке, где устраиваются семейные обеды [Седова, 2009]. Вечернее время дети обеспеченных родителей и молодые бизнесмены в крупных городах могут отныне проводить в клубах (членство в которых подтверждается особой клубной картой); «клубиться» стало модным и в городах поменьше, клубное времяпровождение по сути пришло на смену танцплощадкам 1950-х, квартирным сейшенам 1970-х и дискотекам 1980-х [Эрзанукаева, 2009].

Тенденция к индивидуализации и росту значения приватности нашла отображение в новых стремлениях обсуждать эмоциональную жизнь и личные пристрастия неподконтрольно для властей, но достаточно свободно [Захаров, 2003]. Речь о новом значении частной переписки по электронной почте (что стало типичным со второй половины 1990-х – начала 2000 гг. и что по сути возродило уже почти умерший в период распространения телефонных переговоров эпистолярный жанр). Важна и доступность мобильной связи, изменившей образ жизни сотен тысяч россиян в начале XXI века. С начала 2010 года важной частью социальной жизни для множества русских, пользующихся компьютерами, стали знакомства и просто общение в социальных сетях. Они стали элементом повседневности, восполнили дефицит общения, облегчили поиск друзей по интересам [Ушкин, 2013] – все это в огромной степени связано с распространением новых технических возможностей для коммуникации (с финансовой доступностью айфонов, айпадов, обеспечением бесплатного WiFi в обоих мегаполисах и крупных городах страны) [Корытникова, 2007].

Сильно изменились в современных русских городах потребительские практики. Большое распространение получили сетевые магазины – от бюджетных

(«Пятерочка», «Копейка») до премиальных («Азбука вкуса»), в крупных городах особо популярны известные европейские сетевые бренды (ИКЕА, АШАН), практически сведшие на нет покупки дешевых товаров и продуктов на рынках. Отсутствие «железного занавеса» и свободная конвертация валют позволили приблизить быт русских горожан, в том числе и жителей небольших городов и поселений [Анашкина, 2001], к западноевропейскому и американскому в плане обеспеченности бытовой техникой, современной мебелью, удобной одеждой. Состоятельные русские, в том числе принадлежащие к среднему классу, как правило, имеют свою квартиру (реже, помимо нее, еще и дом за городом – и это не просто дача, бывшая заветной мечтой в советское время), иномарку (иногда не одну), проводят недолгий отпуск за рубежом, имеют возможность оплатить учебу детей за границей [Авраамова, 2008].

Вместе с заграничными потребительскими практиками [Латова, Латов, 2007] в жизнь современных русских стали проникать праздники, ранее в стране не отмечавшиеся, – День святого Валентина как день влюбленных с его мелкими подарками-«валентинками», осенний Хэллоуин. Русская православная церковь не поддерживает их распространения, поэтому в последнее десятилетие западным праздникам и ритуалам противопоставляются новые празднования – День отца (в июне), народно-православный праздник семейной жизни – День Петра и Февронии (8 июля, этим русским святым поставлены памятники уже в нескольких городах России), День матери (в конце ноября) и др. Они призваны заместить западные заимствования и все более входят в быт [Попова, 2011].

Вместе с изменением потребительских практик изменилось и представление о частном пространстве и его размерах. Совместное проживание нескольких поколений в одной квартире (доме), столь типичное для жизни на протяжении долгих десятилетий советской власти и требовавшее умения выстраивать коммуникацию с родственниками и свойственниками, перестало быть чертой повседневности. Федеральная целевая программа «Жилище», рассчитанная на 2002-2010 гг. и развернувшаяся в рамках национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», сделала жилье более доступным для граждан (см. Постановление Правительства РФ от 17.11.2001

№ 797). Широкое распространение получили кредит и ипотека, началось массовое строительство бюджетного жилья [Тихонова, Акатнова, Седова, 2007]. В результате общественный быт русских, особенно в крупных городах, стал предполагать большую индивидуализацию: уровень зарплат, получаемых молодыми, дал возможность прибегать к съему квартир и быть независимыми экономически (и душевно) от старшего поколения. Ремонт жилья перестал быть проверкой на мужские умения, передававшиеся ранее по наследству; чаще всего он отдается ныне в руки профессионалов (как и ремонт одежды, ранее требовавший женских традиционных навыков шитья, штопки, вязания). В то же время именно в 2000-е годы среди русских появились тенденции к дауншифтингу – желанию оторваться от привычного городского образа жизни и «вернуться к истокам»: строить своими руками дома, заниматься домашним хозяйством, кормить семью тем, что выращено буквально у порога [Пушкарева, 2006]. Новым явлением для представителей среднего класса и зажиточной части горожан стала возможность сдавать свое жилье в России, а самим уезжать в Европу или в теплые края, в Азию: разница в цене недвижимости и ее аренды за рубежом и в нашей стране давала возможность (вплоть до кризиса 2014 года и западных санкций, связанных с возвращением Крыма в состав России) безбедно существовать вне своей страны [Авраимова, Малева, 2014; Пушкарева, 2014].

Огромное значение для жителей крупных городов и начавшего нарождаться среднего класса приобрели коммерческие возможности заботы о здоровье (что нашло вскоре выражение в увеличении продолжительности жизни жителей крупных городов) [Русинова, Сафронов, 2012; Рогозин, 2012], а также все формы туризма по необъятной стране: научный, культурный, пляжный, спортивный, гастрономический и т.д. Сфера услуг и туристическая инфраструктура проходят период обновления, согласно утвержденной Правительством федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011-2018 годы)». Быстрота и доступность оформления заграничных паспортов, финансовые возможности увидеть мир и показать его детям сделали возможным наполнить семейный досуг русских поездками за границу. События 2014 года, в том числе постройка отличной рекреаци-

онной структуры в Сочи, сделали вновь популярным отдых русских внутри страны.

При этом специфика общественной жизни на селе к началу 2000-х гг. оказалась практически утрачена, а фермерство, на которое возлагались такие надежды [Возьмитель, Карпов, 1994], так и не сложилось в социологически значимое явление. Престиж работы в аграрном секторе экономики у русских непоправимо низок. В период с 1993 по 2002 гг. число родителей, которые хотели бы, чтобы их дети работали в сельском хозяйстве, сократилось в 9 раз с 27,4% до 3,0%. Указанные процессы привели к нивелировке базовых ценностей, исторически присущих деревенскому образу жизни [Гуревич, 2004]. Традиционные черты этой жизни ушли в прошлое. В характерах людей исчезли качества, проявлявшиеся в общественных отношениях сто лет тому назад. На основании общероссийского социолого-педагогического исследования «Ценностные ориентации сельских учителей, учащихся и их родителей в условиях становления рыночной экономики на селе» (в 19 регионах страны в 2002 году опрошено 3106 респондентов), можно судить о нравственно-этических установках современных селян. Открытости людей, их дружественному настрою придали значение 12% опрошенных; верны культурным традициям – 6%, ценят нравственность человека – 4,5%.

Русских людей тревожит утрата черт, присущих нашему национальному характеру. В 2012 году Институтом социологии РАН проводился опрос на тему «Национальная мечта россиян» (1750 респондентов в двух столицах и 22 других субъектах федерации в возрасте 16-55 лет). При этом 78% респондентов указали на рост агрессивности и падение уважения к старшим, более 70% обратили внимание на недоброжелательность, рост неискренности между людьми, 67% – на неуважительное отношение к женщине и исчезновение такого психологически важного для русской культуры качества, как душевность, 68% – на рост цинизма [Андреев, 2013, 107].

Не секрет, что влияние на перечисленные выше негативные перемены оказал трудный для России и русских двадцатый век, в начале которого подверглись ломке традиционные для православной России ценности, связанные с понятиями добра, справедливости, вдумчивой духовной созерцательности, со-

борности, самопожертвования. В 1920-е годы их пытались заменить (насаждая атеизм) ценностями коммунистической этики – пролетарского интернационализма, эгалитарности, приоритета общественного над личным, основанного на прежней соборности социалистического и коммунистического коллективизма [Пантин, Лапкин, 1999]. Не прошло и полувека, как подвергли осмеянию уже их. Ориентируясь на установки западноевропейских культур, католицизма и протестантизма, россиян с начала 1980-х и в особенности в 1990-е годы попытались переориентировать на новую систему ценностей [Тихонова, 2008]. На этот раз во главу угла старались поставить – согласно либеральной парадигме – индивидуальную ответственность (вместо коллективной), значимость частного, приватного и умение уважать внутренний мир и систему ценностей любого индивида, терпимость и толерантность к окружающим, равноположенность (а не иерархичность) ценностей. Однако в начале 2000-х стало ясно, что множество русских в нашей стране так и не разобралось с этими новыми веяниями и не приняло новые идеи.

Начался отказ от этих концептов, новые мучительные поиски объединительной для всего русского народа идеи. Поддержку в этих поисках пытается оказывать Русская православная церковь и старшее поколение россиян: «Раз русский, значит православный. Мои родители были верующими. Есть ли Бог, нет, мы не знаем, но так нам дано судьбой: мы должны верить. Не нами заведено, не нам отменять!» [Буганов, 2009, т. 1, 84]. Принадлежность к русским является для современников важнейшим фактором их самоидентификации. Информанты этносоциологического исследования, проведенного в начале 2000-х годов в Рязанской области, на вопрос «Кем Вы себя осознаете?» чаще всего отвечали: «Русскими!» (таковых было 56%) [Там же]. Исторический опыт общественного быта в советскую эпоху и в настоящее время убедил современных идеологов, что новации, вносимые властью в повседневную жизнь, могут укрепляться и утверждаться лишь при условии их соответствия русским традициям и менталитету, в том числе либеральному или гуманистическому православию, продолжающему традиции начала XX века. Негативным следствием этого становится все более явная инструментализация русской истории (события прошлого оживляются в памяти, чтобы обеспечить оправдание со-

временных действий власти). Позитивной же стороной процесса остается идея укрепления, консолидации русских как этноса.

В 2011 году Институт социологии РАН провел общероссийское социологическое исследование «Двадцать лет реформ глазами россиян» (1750 респондентов от 18 лет, 58 поселений всех типов от мегаполисов до сел). С утверждением о том, что «люди моей национальности многое потеряли за последние 15-20 лет», согласилось 64% русских (против 44% среди респондентов других национальностей). Половина опрошенных заметила учащение столкновений на почве национальной неприязни, 68% откровенно признались, что испытывают раздражение по отношению к представителям других национальностей. Национальная замкнутость, стремление к обособлению ранее никогда не были присущи русским, это печальное обретение последнего десятилетия. Обнадёживает то, что абсолютное большинство (свыше 90% русских) полагают, что «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо», но в то же время почти половина (41%) соглашается с тем, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа». Ранее такая «русская исключительность» вообще в ответах не просматривалась; скорее всего, она является ответом на активные этнокультурные поиски других этносов в условиях глобализации.

Духовные искания российского общества, о которых столь много пишется в современной научной литературе и СМИ [Сикевич, 1996], основаны на возрождении интереса к сохранению культуры и традиционных ценностей русских как государствообразующего этноса. Современный общественный быт русских меняется быстро. На эти перемены оказывают влияние различные социальные процессы и исторические факты (достаточно напомнить о мартовском референдуме 2014 года в Крыму), прицельно воздействуют политические партии и общественные движения. Идет мучительный процесс становления нашего гражданского общества, которое пока не представляет собой крепкого единения всех и каждого и основывается лишь на формальном знании о своей причастности к гражданам страны. Многие современные русские ощущают разобщенность, слабость живого чувства солидарности, понимания и поддержки, в то время как старшее поколение еще помнит все эти черты обще-

ственного быта, столь ярко проявившиеся в лихие годы, особенно в годы Великой Отечественной войны.

Обретение новой силы русскими как этносом тормозится трудностями экономики, социальной и культурной жизни, порождая ощущение незащищенности, неуверенности в успехе начатых перемен. Поиски нового пути, нового общественного устройства и общественных отношений, преодоление всех трудностей – дело общенародное, и на него направлены усилия всех граждан.

Библиография

1. Авраамова Е.М. Средний класс эпохи Путина // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 28-36.
2. Авраамова Е.М., Малева Т.М. Эволюция российского среднего класса: миссии и методология // *Общественные науки и современность*. 2014. № 4. С. 5-17.
3. Анашкина Г.П. Досуг интеллигенции в Ульяновске // *Социологические исследования*. 2001. № 12. С. 97-102.
4. Андреев А.Л. Русская мечта: взгляд социолога // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2013. № 1 (113). С. 95-108.
5. Буганов А.В. Исторические представления и самоидентификация русских Рязанского края // *Русские Рязанского края*. М.: Индрик, 2009. Т. 1. С. 70-87.
6. Возьмитель А.А., Карпов А.П. Становление образа жизни российского фермерства. М.: ИС РАН, 1994. 240 с.
7. Гуревич А.Л. Виртуальная культура и проблемы духовной жизни современного общества. М.: Спутник+, 2004. 68 с.
8. Захаров А.В. Массовое общество и культура в России: социально-типологический анализ // *Вопросы философии*. 2003. № 9. С. 3-16.
9. Здравомыслова Е.А. Социология общественных движений – становление нового исследовательского направления // *Социология в России*. М., 1998. С. 545-568.

10. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. От лицемерия к рационализации: трансформация дискурсивного режима сексуальности // Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 213-226.
11. Здравомыслова О.М. Российская семья в 90-е годы: жизненные стратегии мужчин и женщин // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. М., 2001.
12. Караханова Т.М. Повседневная деятельность горожан в показателях бюджета времени (1965-2004) // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 41-51.
13. Карпухин О.И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 124-128.
14. Корытникова Н.В. Интернет как средство производства сетевых коммуникаций в условиях виртуализации общества // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 85-93.
15. Латова В.Н., Латов В.Ю. Особенности «вестернизации» ментальности студенчества модернизирующихся стран // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 90-98.
16. Магун В.С., Энговатов М.В. Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи: 1985-2005 годы // Отечественные записки. 2006. № 3. С. 76-96.
17. Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. 524 с.
18. О подпрограмме «Реформирование и модернизация жилищно-коммунального комплекса Российской Федерации» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002-2010 годы: постановление Правительства РФ от 17.11.2001 № 797 (с изм. от 21.10.2004) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34170/ (дата обращения: 09.06.2015).
19. Пантин В.И., Лапкин В.В. Эволюция ценностных ориентаций россиян в 1990-е годы // Pro et Contra. 1999. № 4 (2). С. 144-160.

20. Попова В.Н. Праздник как форма культурной памяти (государственные праздники России XX – начала XXI в.): дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2011. 132 с.
21. Пушкарева Н.Л. Новые отшельники. 20 лет дауншифтинга // Огонек. 2006. № 10. С. 36-37.
22. Пушкарева Н.Л. Покинувшие отечество, не покинувшие себя (о последней волне эмигрантов из России) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2014. № 8 (179). С. 135-143.
23. Рогозин Д.М. Либерлизация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62-93.
24. Рождественская Е.Ю. Отцовство: либеральный тренд от «отца» к «папе»? // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 75-89.
25. Русинова Н.Л., Сафронов В.В. Социальная стратификация здоровья в России: тенденции в 1990-е и 2000-е гг. // Социологический журнал. 2012. № 1. С. 28-46.
26. Седова Н.Н. Досуговая активность горожан // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 56-69.
27. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк). М.: Механик, 1996. 208 с.
28. Тихонова Н.Е. Жизненные устремления россиян // Российская идентичность в социологическом измерении. М.: Институт социологии РАН, 2008.
29. Тихонова Н.Е., Акатнова А.М., Седова Н.Н. Жилищная обеспеченность и жилищная политика в современной России // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 71-81.
30. Ушкин С.Г. Социология социальных сетей: ретроспективный анализ // Социологический журнал. 2013. № 1. С. 94-110.
31. Шнейдер Е.Н. Теоретико-методологические основания анализа быта в современном российском обществе: социологический подход: дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2007. 154 с.
32. Эрзанукаева Л.Р. Роль современного российского телевидения в формировании культуры повседневности студенческой молодежи: дис. ... канд. социол. наук. М., 2009. 172 с.

An outline of the history of public life during 1990-2015: from the perspective of the history of everyday life

Natal'ya L. Pushkareva

Doctor of History, Professor,
Head of Gender studies department,
Institute of ethnology and anthropology, Russian Academy of Sciences,
119991, 32a Leninsky avenue, Moscow, Russian Federation;
e-mail: pushkarev@mail.ru

Abstract

The article describes the post-socialist life during 1990-2015 as a way of life developed against the background of social stratification and commercialization of everyday life. These processes took place due to changes in the social policy because the state refused to give people real protection and fulfil obligations that it had during the period of 1917-1991. The article analyses everyday practices of Russian people after the collapse of the socialist system and the features of public life. The author of the article aims to assess the whole set of patterns of the non-production sphere of Russian people's life in the last quarter of the century, to understand the origins of and trends in changes in public relations at the level of cultural demands. In the end, the author has come to the following conclusion: the dynamics of the processes of public life development is highly dependent on the economy, that is why gaining "new force" by Russian people is hampered by the difficulties of its development and problems in social life that exist in the Russian Federation. The author of the article believes that establishing a new social order and overcoming difficulties concern all Russian people as they involve all social strata and groups of the new Russian society.

Keywords

Life, everyday life, post-Soviet way of life, quality of life, way of life.

For citation

Pushkareva N.L. (2015) Ocherk istorii obshchestvennogo byta 1990-2015: vzglyad istorika povsednevnosti [An outline of the history of public life during 1990-2015: from the perspective of the history of everyday life]. *"Belye pyatna" rossiiskoi i mirovoi istorii* ["White Spots" of the Russian and World History], 4-5, pp. 23-39.

References

1. Anashkina G.P. (2001) Dosug intelligentsii v Ul'yanovske [The leisure of the intellectuals in Ulyanovsk]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 12, pp. 97-102.
2. Andreev A.L. (2013) Russkaya mechta: vzglyad sotsiologa [The Russian dream: a sociologist's view]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [The monitoring of public opinion: economic and social changes], 1 (113), pp. 95-108.
3. Avraamova E.M. (2008) Srednii klass epokhi Putina [Middle class in the epochs of Putin]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1, pp. 28-36.
4. Avraamova E.M., Maleva T.M. (2014) Evolyutsiya rossiiskogo srednego klassa: missii i metodologiya [The evolution of the Russian middle class: missions and methodology]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 4, pp. 5-17.
5. Buganov A.V. (2009) Istoricheskie predstavleniya i samoidentifikatsiya russkikh Ryazanskogo kraja [Historical representation and self-identification of the Russians from the Ryazan region]. In: *Russkie Ryazanskogo kraja* [Russians from the Ryazan region]. Vol. 1. Moscow: Indrik Publ., pp. 70-87.
6. Erzanukaeva L.R. (2009) *Rol' sovremennogo rossiiskogo televideniya v formirovanii kul'tury povsednevnosti studencheskoi molodezhi. Dokt. diss.* [The role of the modern Russian television in shaping of students' culture of everyday life. Doct. diss.]. Moscow.

7. Gurevich A.L. (2004) *Virtual'naya kul'tura i problemy dukhovnoi zhizni sovremennogo obshchestva* [Virtual culture and problems of spiritual life of modern society]. Moscow: Sputnik+ Publ.
8. Karakhanova T.M. (2006) Povsednevnyaya deyatelnost' gorozhan v pokazatelyakh byudzheta vremeni (1965-2004) [Everyday activities of urban dwellers in terms of time budget (1965-2004)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 9, pp. 41-51.
9. Karpukhin O.I. (2000) Molodezh' Rossii: osobennosti sotsializatsii i samoopredeleniya [Young people in Russia: features of socialization and self-determination]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 3, pp. 124-128.
10. Korytnikova N.V. (2007) Internet kak sredstvo proizvodstva setevykh kommunikatsii v usloviyakh virtualizatsii obshchestva [The Internet as a means of producing network communications under conditions of society virtualization]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2, pp. 85-93.
11. Latova V.N., Latov V.Yu. (2007) Osobennosti "vesternizatsii" mental'nosti studentchestva moderniziruyushchikhsya stran [Features of "Westernization" of students' mentality in modernizing countries]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 11, pp. 90-98.
12. Magun V.S., Engovatov M.V. (2006) Dinamika prityazanii i izmenenie resursnykh strategii molodezhi: 1985-2005 gody [Dynamics of claims and changes in young people's resource strategies: 1985-2005]. *Otechestvennye zapiski* [National notes], 3, pp. 76-96.
13. *Novyi byt v sovremennoi Rossii: gendernye issledovaniya povsednevnosti* [A new life in contemporary Russia: gender studies on everyday life] (2009). St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
14. Opodprogramme "Reformirovanie i modernizatsiya zhilishchno-kommunal'nogo kompleksa Rossiiskoi Federatsii" federal'noi tselevoi programmy "Zhilishche" na 2002-2010 gody: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2001 № 797 (s izm. ot 21.10.2004) [On the sub-programme "Reforming and modernizing of the housing and utilities complex of the Russian Federation" of the Federal Target Program "Dwelling" for 2002-2010: Resolution of the Russian Government No. 797 of November 17, 2001 (as amended on October 21, 2004)].

- Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus]. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34170/ [Accessed 09/06/15].
15. Pantin V.I., Lapkin V.V. (1999) Evolyutsiya tsennostnykh orientatsii rossiyan v 1990-e gody [The evolution of value orientations of Russian people in the 1990s]. *Pro et Contra*, 4 (2), pp. 144-160.
 16. Popova V.N. (2011) *Prazdnik kak forma kul'turnoi pamyati (gosudarstvennye prazdniki Rossii XX – nachala XXI v.)*. *Dokt. diss.* [The holiday as a form of cultural memory (public holidays in Russia in the 20th and the early 21st centuries). Doct. diss.]. Ekaterinburg.
 17. Pushkareva N.L. (2006) Novye otshel'niki. 20 let daunshiftinga [New hermits. 20 years of downshifting]. *Ogonek* [Spark], 12th Mar., pp. 36-37.
 18. Pushkareva N.L. (2014) Pokinuvshie otechestvo, ne pokinuvshie sebya (o poslednei volne emigrantov iz Rossii) [They abandoned the fatherland, but not themselves (on the last wave of immigrants from Russia)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Scientific news of Belgorod State University. Series: History. Political science], 8 (179), pp. 135-143.
 19. Rogozin D.M. (2012) Liberlizatsiya stareniya, ili trud, znaniya i zdorov'e v starshem vozraste [Liberalization of ageing, or labour, knowledge and health in old age]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 4, pp. 62-93.
 20. Rozhdestvenskaya E.Yu. (2010) Ottsovstvo: liberal'nyi trend ot "ottsa" k "pape"? [Fatherhood: a liberal trend from "father" to "daddy"?] *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 3, pp. 75-89.
 21. Rusinova N.L., Safronov V.V. (2012) Sotsial'naya stratifikatsiya zdorov'ya v Rossii: tendentsii v 1990-e i 2000-e gg. [Social stratification of health in Russia: trends in the 1990s and 2000s]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 1, pp. 28-46.
 22. Sedova N.N. (2009) Dosugovaya aktivnost' gorozhan [Leisure activities of urban dwellers]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 12, pp. 56-69.
 23. Shneider E.N. (2007) *Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya analiza byta v sovremennom rossiiskom obshchestve: sotsiologicheskii podkhod*. *Dokt. diss.* [Theoretical and methodological fundamentals of the analysis of everyday life in contemporary Russian society: a sociological approach. Doct. diss.]. Saratov.

24. Sikevich Z.V. (1996) *Natsional'noe samosoznanie russkikh (sotsiologicheskii ocherk)* [Russian national identity (a sociological outline)]. Moscow: Mekhanik Publ.
25. Tikhonova N.E. (2008) Zhiznennye ustremeniya rossiyan [Russian people's aspirations in life]. In: *Rossiiskaya identichnost' v sotsiologicheskoi izmerenii* [Russian identity in the sociological dimension]. Moscow: Institut sotsiologii RAN.
26. Tikhonova N.E., Akatnova A.M., Sedova N.N. (2007) Zhilishchnaya obespechennost' i zhilishchnaya politika v sovremennoi Rossii [Housing provision and housing policy in modern Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 1, pp. 71-81.
27. Ushkin S.G. (2013) Sotsiologiya sotsial'nykh setei: retrospektivnyi analiz [The sociology of social networks: a retrospective analysis]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 1, pp. 94-110.
28. Voz'mitel' A.A., Karpov A.P. (1994) *Stanovlenie obraza zhizni rossiiskogo fermerstva* [The formation of Russian farmers' lifestyle]. Moscow: IS RAN.
29. Zakharov A.V. (2003) Massovoe obshchestvo i kul'tura v Rossii: sotsial'no-tipologicheskii analiz [Mass society and culture in Russia: a socio-typological analysis]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 9, pp. 3-16.
30. Zdravomyslova E.A. (1998) Sotsiologiya obshchestvennykh dvizhenii – stanovlenie novogo issledovatel'skogo napravleniya [The sociology of social movements as a new research direction]. In: *Sotsiologiya v Rossii* [Sociology in Russia]. Moscow, pp. 545-568.
31. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. (2007) Ot litsemeriya k ratsionalizatsii: transformatsiya diskursivnogo rezhima seksual'nosti [From hypocrisy to rationalization: transformation in the discursive mode of sexuality]. In: *Rossiiskii gendernyi poryadok: sotsiologicheskii podkhod* [The gender order in Russia: a sociological approach]. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 213-226.
32. Zdravomyslova O.M. (2001) Rossiiskaya sem'ya v 90-e gody: zhiznennye strategii muzhchin i zhenshchin [The Russian family in the 1990s: life strategies of men and women]. In: *Gendernyi kaleidoskop. Kurs lektsii* [A gender kaleidoscope. A course of lectures]. Moscow.